

УДК 81'25

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

В.В. Сдобников

***Аннотация.** Цель настоящей статьи – доказать, что расширение сферы использования некоторых видов переводческой деятельности не обязательно приводит к появлению новых подходов и концепций в переводоведении. В настоящее время наиболее оптимальной методологией изучения перевода является сочетание традиционной парадигмы эквивалентности и коммуникативно-функционального подхода к переводу. В статье обосновывается мнение, согласно которому локализация и транскреация, выделяемые в настоящее время в качестве отдельных видов перевода, вовсе таковыми не являются, а представляют собой разновидности собственно перевода. Культурная адаптация текста, осуществляемая в процессе «локализации» и «транскреации», на самом деле есть прагматическая адаптация, хорошо известная практикам и теоретикам перевода. Значимой в этих ситуациях является лишь степень, или глубина, прагматической/культурной адаптации.*

***Ключевые слова:** коммуникативно-функциональный подход, информационно-коммуникационные технологии, локализация, интернационализация, транскреация*

Вступление

Вполне очевидно, что переводоведение развивается и обогащается новыми идеями только благодаря своей ориентации на переводческую практику. Собственно, переводоведение как научная дисциплина изначально сложилось в связи с необходимостью осознать сущность перевода как практической деятельности, сущность задач, решаемых переводчиком, и способов их решения, основных подходов к осуществлению перевода. Впрочем, отношения между теорией перевода и переводческой практикой представляются более сложными; между ними существуют отношения взаимодействия, взаимовлияния: переводоведение, являясь в определенном смысле результатом обобщения переводческих практик, как минимум, их анализа, должно по определению оказывать влияние на состояние переводческой практической деятельности, задавать определенные ориентиры в постоянно меняющемся переводческом процессе, то есть ориентировать в процессе нахождения оптимальных переводческих решений в условиях постоянного изменения условий осуществления переводческой деятельности. Именно поэтому в качестве одной из задач переводоведения рассматривается разработка общих принципов подготовки переводчиков, удовлетворяющих определенным требованиям, предъявляемым к ним на рынке переводческих услуг. Подобного рода принципы, реализуемые в учебном процессе, определяют качество итогового продукта – профессионального переводчика и в конечном итоге общий уровень качества осуществляемых переводов.

В последние два-три десятилетия условия осуществления переводческой деятельности значительно изменились. Переводчики теперь работают в компьютеризованном мире, охваченном сетью Интернет, используют разнообразные платформы и среды, системы переводческой памяти. Становится все более выраженной реальностью и использование систем машинного перевода. Более того, получают распространение виды перевода, которые ранее находились на периферии переводческой профессии или вовсе не существовали (аудиовизуальный перевод, социальный перевод, перевод-редактирование, транскреация, аудиодескрипция). Часто эти виды переводческой деятельности представляются как нечто принципиально отличное от так называемого «собственно перевода», противопоставляются ему. Как пишет Ив Гамбье, «действительно, в зависимости от конкретной области этот термин («перевод». – В.С.) теснят или заменяют другие термины... Они отражают различные профессиональные реалии и практики, а также конкретные направления в исследованиях (курсив мой. – В.С.)» [1, с. 56]. И это правда. Выход определенных видов переводческой деятельности если не на первый план, то, по крайней мере, в зону всеобщей видимости подталкивает исследователей, а также переводчиков-практиков, к осмыслению основ, в том числе теоретических, и особенностей этих видов деятельности. Результатом такого осмысления становятся не только новые

термины, или ярлыки, но и некие выводы, которые, казалось бы, должны обогатить науку о переводе и новыми наблюдениями, и новыми идеями.

Однако есть опасение, что эти идеи, по своему характеру, несомненно, новые, на самом деле вовсе не способствуют уточнению сущности переводческой деятельности, а, наоборот, затемняют значение понятия «перевод». При этом часто высказываемые утверждения свидетельствуют о вульгаризации представления о переводе, об усвоении дилетантского подхода к его определению, отсылая нас к начальному периоду в истории переводоведения, вместо того, чтобы намечать новый (так и хочется сказать «светлый») путь в развитии науки о переводе.

Цель настоящей статьи – проанализировать новые подходы к определению особенностей переводческой деятельности, к определению места перевода в рамках профессионально осуществляемого переводческого технологического процесса и выявить те ошибочные представления, которые в будущем грозят возможным снижением качества перевода.

Основные подходы к изучению переводческой деятельности

Ив Гамбье отмечает две переводоведческие парадигмы, развивающиеся в настоящее время. Первая – это «наиболее традиционная концепция перевода, существовавшая на протяжении веков и проявлявшаяся в парадигме эквивалентности». По мнению исследователя, эта парадигма стала более ориентированной на получателя или аудиторию [1, с. 57]. С последним утверждением трудно не согласиться. Достаточно вспомнить следующее утверждение В.Н. Комиссарова, одного из основоположников лингвистической теории перевода в нашей стране и автора теории уровней эквивалентности: «Переводчик должен четко представлять, для чего и для кого он переводит, какую задачу будет выполнять создаваемый им текст, как и кем этот текст будет использован. В связи с этим на продвинутом этапе обучения задания будущим переводчикам по переводу учебных текстов должны сопровождаться указанием на цель перевода, характер предполагаемых читателей, печатный орган, в котором он должен быть принят к публикации и т.п. На основе таких данных переводчик может решить, будет ли он делать перевод или какой-либо другой вид языкового посредничества» [2, с. 357]. Можно только отметить с великим сожалением, что это утверждение В.Н. Комиссарова не было замечено сторонниками лингвистического переводоведения либо было сознательно проигнорировано ими. В качестве подтверждения приведем цитату из статьи О.В. Петровой и В.К. Ланчикова: «...для того, чтобы использовать текст (любой – как ПТ, так и сам ИТ) в разных целях, его совершенно не обязательно каждый раз как-то менять, приспособливать к нуждам каждого получателя» [3, с. 44]. Налицо явное противоречие между реципиенто-ориентированным подходом к переводу и подходом, в рамках которого потребности и ожидания реципиента полностью игнорируются (по принципу: «Вот тебе текст и делай с ним что тебе нужно. Если, конечно, сможешь»). И все это декларировалось и декларируется в рамках одного и того же подхода к переводу – лингвистического, или, как мы его называем, текстоцентрического. Из чего следует, что и сам лингвистический подход к переводу грешит противоречиями и некоторой неопределенностью его установок, хотя нельзя не отметить и большую ориентированность этой парадигмы на реципиента.

Вторая переводоведческая парадигма, по мнению Ива Гамбье, – это та, в рамках которой находят свое отражение различные платформы и среды, с помощью которых в наше время осуществляется перевод. «В этом смысле наблюдается переход от бумажного формата к цифровому и к Интернет-формату (где переводимый текст становится мультимодальным). Такой быстро меняющийся контекст и служит причиной разрастающегося числа терминов, используемых для обозначения того, что когда-то считалось переводом» [1, с. 57]. Как мы видим, И. Гамбье к числу одной из причин появления новых терминов для обозначения якобы «новых» видов переводческой деятельности отно-

сит использование современных сред, в которых осуществляется перевод. Нет сомнения в том, что условия деятельности переводчика – в сугубо техническом смысле – существенно изменились. Но достаточно ли этого для того, чтобы обозначить новый подход, новую парадигму в переводоведении? Энтони Пим, хотя и более осторожен в выделении переводоведческих парадигм, кажется, все же разделяет мнение И. Гамбье: новые переводческие технологии, утверждает он, – это не просто дополнительные инструменты, а системы, меняющие саму природу когнитивной деятельности переводчика, его социальные отношения и профессиональный статус (“...are altering the very nature of the translator’s cognitive activity, social relations, and professional standing”) [4].

Мы не можем согласиться ни с И. Гамбье, ни с Э. Пимом. Прежде всего, потому, что противопоставление парадигмы эквивалентности (лингвистического подхода к переводу в нашей терминологии) парадигме, обусловленной использованием новых сред, представляется искусственным и нелогичным. Если парадигма эквивалентности является собой определенное отношение к переводу, представление о его характере и сущности решаемых переводчиком задач, то вторая «парадигма» содержит указание всего лишь на набор инструментов, используемых переводчиком для повышения скорости и эффективности переводческого процесса, и особенностей их использования. В конце концов, переводчик может применять один и тот же подход к переводу, используя системы переводческой памяти или машинного перевода и не используя их. Подобное наблюдалось и ранее, до появления новых информационно-коммуникационных технологий. И наоборот, используя одни и те же инструменты, разные переводчики могут применять разные подходы. В XVI веке Мартин Лютер и его противники отстаивали абсолютно разные подходы к переводу священного Писания, при этом и тот, и другие писали гусиными перьями на пергаменте или на бумаге. В XIX веке все переводчики пользовались одними и теми же инструментами, но насколько разными были подходы к переводу И.И. Введенского и, скажем, А.А. Фета! Так что же изменилось с тех пор? Если говорить о соотношении подходов к осуществлению перевода и средств осуществления перевода, то равным счетом ничего не изменилось.

Уж если противопоставлять парадигму эквивалентности иной парадигме, то такой парадигмой должно стать функциональное переводоведение (именно о таком противопоставлении в истории развития зарубежного переводоведения пишет Эрих Прунч [5, с. 57]). Для обозначения этого подхода могут использоваться разные термины (functionalist approach – в зарубежном переводоведении, «функционально-коммуникативный подход» – в отечественном переводоведении). В своих работах мы оперируем терминоточетанием «коммуникативно-функциональный подход». Это терминоточетание используется для обозначения того подхода к переводу, в рамках которого перевод рассматривается как вид деятельности переводчика, обеспечивающий осуществление иной – предметной (производственной, познавательной, рекреационной и т.п.) – деятельности получателей («потребителей») перевода и/или инициаторов перевода. Согласно данному подходу, перевод как деятельность включается в структуру определенной коммуникативной ситуации. Осуществление перевода предполагает учет особенностей данной ситуации, цели перевода, потребностей и ожиданий субъектов предметной деятельности, а также сугубо лингвистических факторов, влияющих на ход и результат переводческого процесса, – от особенностей соотношения двух языков до типа текста и его коммуникативного задания. Ниже мы затронем ряд основных положений коммуникативно-функционального подхода к переводу (более подробно см. [6; 7]).

При этом следует отметить, что мы не противопоставляем как крайности сугубо лингвистический подход к переводу (парадигму эквивалентности) и коммуникативно-функциональный подход. Последний рассматривается нами как своего рода общая переводческая идеология, именно как общий подход к переводу, как своего рода идеологическая оболочка, тип переводческого мышления, охватывающий все виды перевода

и оздающий определенную среду, обеспечивающую осуществление всех видов переводческой деятельности с максимальной степенью эффективности.

Перевод vs локализация?

В последние годы на переводческом рынке получила широкое распространение такая услуга, как локализация. Многие переводческие компании стараются привлечь клиентов утверждением, что они *помимо* перевода также осуществляют локализацию. Локализация представляется как некая деятельность, хотя и входящая в структуру деятельности переводчика или в сферу его ответственности (правда, возможно, не всегда), но принципиально отличная от так называемого «собственно перевода» (см., например, раздел «Услуги» на сайте компании «Лингваконтакт» [8]). При этом собственно перевод рассматривается как воспроизведение содержания исходного текста, а иногда и его формальных особенностей, средствами переводящего языка. Разграничение «перевода» и «локализации» в практической переводческой деятельности стало столь устойчивым явлением, что по воле разработчиков профессионального стандарта, который изначально предполагалось именовать «Переводчик», нашло отражение в его названии – «Специалист в области перевода и локализации».

Постараемся разобраться, чем же различаются эти виды переводческой деятельности в представлении ее организаторов, то есть руководителей и менеджеров переводческих компаний, а также некоторых переводоведов.

Начнем с определения локализации как ее видят практики. Анализ информации, представленной в сети Интернет, свидетельствует о том, что переводческий производственный процесс делится на определенные этапы. Когда речь идет о переводе веб-сайтов, компьютерных игр и т.п., в качестве начального этапа выступает создание интернационализованного текста на ИЯ. Интернационализация (часто вместо этого термина используется термин «глобализация») представляет собой адаптацию текста для международного рынка. «Целью является уничтожение всех культурных особенностей, чтобы продукт мог легко адаптироваться к любой языковой среде или стране. Если региональные черты не были полностью убраны на начальном этапе, это должно быть исправлено во время локализации» [9]. В результате интернационализации создается «продукт, локализованный во многих языках, в котором, без отсылок к исходному тексту, просто используется универсальный, интернациональный вариант и производятся необходимые изменения, исходя из вкуса целевой аудитории и культурной и социальной ситуации места действия» [10]. Таким образом, интернационализация предшествует локализации. По сути, локализация рассматривается как культурная адаптация текста. На одном из сайтов читаем: «локализация... – процесс адаптации иностранного текста к культурному контексту страны, на язык которого делается перевод. Другими словами, можно сказать, что локализация – это один из видов адаптации» [11]. В этих определениях интересно то, что адаптация в скрытой форме отделяется от перевода, предстает как особый вид деятельности, существующий в дополнение к переводу. Получается, что это своего рода способ «шлифовки» результирующего текста, необходимой для «приспособления» текста к принимающей культуре. Соответственно, и локализация обретает право на особый статус: «Локализация часто рассматривается как “перевод высокого уровня”» [9].

В этом убеждают и иные рассуждения, и примеры, приведенные на тех же веб-сайтах. В частности, на сайте переводческой компании Fridge читаем: «Верховная Рада – чисто украинская реалия, и перевести его на английский довольно сложно, ведь если перевести дословно – Supreme Council или Supreme Board – мало что станет понятно жителям англоязычных стран. Поэтому в английской версии эту реалию переводят транслитерацией – Verchovna Rada, а рядом в скобках добавляют Parliament, поскольку парламент – орган законодательной власти в англоязычных странах. Также на этом же сайте можно увидеть соответствие словосочетаний Председатель Совета Министров –

Prime Minister, хотя для Prime Minister у нас существует термин Премьер Министр» [11]. Оставим без комментариев перевод украинской реалии при помощи транслитерации. Но вот дополнение в скобках Parliament как способ раскрытия этого действительно мало-вразумительного (с точки зрения получателя английского перевода) вполне оправданно, и могло бы использоваться при переводе в разных ситуациях. Более того, как способ решения подобной переводческой проблемы оно входит в состав способов *прагматической адаптации* текста, которая рассматривалась как непереносимый компонент перевода задолго до появления новых информационно-коммуникационных технологий. Достаточно посмотреть соответствующий раздел в учебном пособии В.Н. Комиссарова [12, с. 211-215]. При передаче названия должности «Председатель Совета Министров» имеет место использование *функционального аналога* – понятие, также не новое в теории и практике перевода. Именно перевода, а не локализации.

Вызывает удивление и следующее утверждение в статье о локализации перевода: «Хорошему переводчику стоит также позаботиться о переводе цифровых значений, таких как температура, меры веса, длины, денежных значений, дат в местные стандарты» [11]. Получается, что переводчик, если он не занимается локализацией, вполне может оставить в тексте перевода (письменного!) обозначения температуры, мер веса, длины, даты в их исходном написании, не заботясь о том, будет ли это понятно получателю перевода. По нашему мнению, и согласно нашим наблюдениям, подобное возможно только в деятельности «нехороших» переводчиков. Однако для авторов проанализированных нами статей это представляется нормой для перевода и особой задачей для локализации. В чем же ее «особость», если подобную задачу постоянно решает ответственный и хорошо обученный переводчик в процессе перевода? Например, М.А. Орёл пишет: «Попробуйте “всего лишь” не поменять порядок следования числа и месяца в записи даты цифрами при переводе на русский язык с американского английского, и написанное автором двенадцатое ноября неуволимо для глаза превратится в одиннадцатое декабря. Неужели мы не слышали об этом еще в вузе?! Да слышали, конечно» [13, с. 92-93].

Возникает ощущение, что многие представители переводческого бизнеса либо и на самом деле не слышали о таких элементарных вещах, обязательных при осуществлении перевода, либо их переводческое мышление не успело сформироваться. Отсюда и такое трепетное отношение к локализации как способу обеспечения необходимого воздействия на получателя перевода, живущего в другой стране, способу обеспечения незатрудненного восприятия ПТ его получателем. А разве при собственно переводе может быть иначе? Не может. Именно поэтому просто умиляет следующее утверждение: «Очевидно, что локализация – очень сложный процесс, требует помимо знания языка еще и знания разных сфер особенностей культуры, традиций и обычаев, политического строя других стран» [11]. Из чего следует, что переводчику, который не занимается локализацией, ничего этого знать не положено.

Вполне очевидно, что в современной переводческой среде, представленной часто субъектами, недостаточно хорошо владеющими основами переводоведения, сложилось наивное, вульгаризованное представление о переводе как о всего лишь воспроизведении содержания исходного текста путем передачи значений слов. «А то, что свыше, – то от лукавого». По крайней мере до тех пор, пока не потребуются так называемая локализация. И вот уж тогда...!

На самом деле, столь жесткое разграничение перевода и локализации, по крайней мере в теоретическом аспекте, представляется нам искусственным, надуманным. Перевод – истинный перевод – неотделим от прагматической, культурной адаптации. Хотя бы уже потому, что перевод всегда осуществляется на стыке двух культур, и игнорирование этого факта чревато тяжелыми последствиями для перевода и переводчика.

В этой ситуации утешает тот факт, что наивное представление переводчиков-практиков об этих «двух видах переводческой деятельности» не получает теоретического

обоснования. Да и вряд ли это возможно. Кому из серьезных исследователей придет на ум выхолостить перевод, лишив его культурной составляющей?! Однако мы не могли обойти своим вниманием эту настораживающую тенденцию на переводческом рынке, поскольку одним своим существованием она влияет на состояние умов, лишая переводчиков возможности осознать действительную сущность перевода.

Возвращение культуры в перевод

Остановимся вкратце еще на одном явлении, имеющем отношение именно к переводоведению, а не к переводческой практике. Речь пойдет о так называемом транскреационном подходе к переводу. Как пишет Е.Д. Малёнова, «в рамках транскреационного подхода перевод рассматривается как инструмент воссоздания идей и образов оригинала в контексте принимающей культуры» [14, с. 54]. Появление транскреационного подхода к переводу свидетельствует о так называемом «транскреационном повороте», который, по мнению Е.Д. Малёновой, наметился в современном переводоведении. Она поясняет, что культурная дистанция, оказывающая влияние на процесс перевода, обуславливает использование в переводе таких креативных практик, как транскреация, трансадаптация и транскультурация.

Приведем определения этих понятий, предложенные Е.Д. Малёновой: «Под транскреацией в переводе понимается стратегия творческого переосмысления сегмента текста оригинала с последующим созданием нового текста средствами языка перевода с учетом полимодального и культурно-специфического контекста произведения, характеристики коммуникативной ситуации, технических и правовых ограничений, предполагаемой реакции реципиента... Используя трансдаптацию, переводчик меняет различные элементы культурного, визуального, аудиального и иных кодов, чтобы глубже интегрировать оригинальное произведение в матрицу принимающей культуры. Максимальное погружение исходного произведения в принимающую культуру достигается посредством применения стратегии транскультурации – полного изменения произведения в процессе его перевода и создания на его основе нового продукта творческой деятельности, который довольно часто не воспринимается носителями принимающей культуры в качестве чужеродного объекта» [14, с. 54].

Из приведенных определений следует, что указанные «стратегии» различаются прежде всего глубиной того, что в переводоведении традиционно именуется прагматической, или культурной, адаптацией. При этом вряд ли можно согласиться с тем, что только при транскреации требуется учет характеристик коммуникативной ситуации и предполагаемой реакции реципиента. Мы полагаем, что это непеременимое условие успешного осуществления любого перевода, независимо от используемых «стратегий», о чем переводоведы договорились уже давно. За термином «трансадаптация» видятся всего лишь особые виды перевода, а именно аудиовизуальный перевод и то, что практики именуют «локализацией», то есть перевод сайтов, компьютерных игр и т.п. (см. предыдущий раздел). Для транскультурации в теории перевода был предложен условный термин «рирайтинг» (хотя и без акцента на учет культурных различий). В.Н. Комиссаров определяет «рирайтинг» как деятельность переводчика «по созданию параллельного текста на ПЯ, не являющегося переводом иноязычного оригинала, не претендующего на это и не функционирующего как перевод, но как бы отталкивающегося от оригинала, существование которого послужило импульсом, причиной или ориентиром для создания текста на другом языке» [15, с. 69]. Оказывается, транскреационный подход – это попытка описать то, что уже описано в переводоведении, только другими терминами. Так не множим ли мы сущности без необходимости?

Этот вопрос возникает в связи с наблюдаемой нами попыткой представить некоторые виды перевода как настолько культурно-ориентированные, что они вроде как перестают быть видами перевода, а превращаются в некую особую деятельность перевод-

чика, опять же отличающуюся от собственно перевода. В качестве одного из отличий новых сущностей от собственно перевода усматривается степень трансформированности результирующего текста под влиянием фактора дистанции культуры и, заметим в дополнение, такого фактора, как особые потребности получателя переводного текста и способ использования ПТ. По нашему мнению, эти факторы столь же существенны во всех коммуникативных ситуациях с использованием перевода и непременно должны учитываться переводчиком. «Культурный поворот» (cultural turn) в переводоведении, произошедший еще в 1980-х годах и повлекший признание необходимости адаптировать текст к принимающей культуре, как мы успели убедиться, не потребовал выделения новых сущностей и создания для их обозначения новых понятий. Ибо в этом не было необходимости. Всё и так ясно.

По сути, в этом случае мы имеем дело с тем же явлением, что и в случае с локализацией, только несколько более сложного порядка. Если адепты локализации как отдельного вида переводческой деятельности как бы внезапно и с удивлением обнаружили, что, оказывается, при создании текста на переводящем языке нужно учитывать различия между культурами, то адепты транскреационного подхода основное внимание уделяют тем переводческим ситуациям, в которых фактор культуры приобретает особое значение, забывая при этом, что сам по себе этот фактор намертво встроен в структуру переводческой деятельности, неотделим от процесса собственно перевода. «А то, что свыше, – то от лукавого».

Заключение

Мы рассмотрели некоторые новые тенденции в современном переводоведении и в практической переводческой деятельности. За пределами нашего рассмотрения остались новые направления теоретических исследований, обусловленные расширением сфер использования таких видов перевода, как аудиовизуальный перевод и перевод в социальной сфере (социальный перевод). Теоретическое осмысление этих видов перевода, достаточно широко представленное в зарубежном переводоведении, заслуживает отдельного рассмотрения.

Анализ отмеченных тенденций в теории и практике перевода приводит нас к выводу о том, что как среди теоретиков перевода, так и среди практиков бытует наивное представление о переводе как деятельности, в качестве цели которой многие усматривают всего лишь передачу когнитивной информации преимущественно в той форме, в которой она была представлена в исходном тексте. Прагматическая, культурная адаптация текста, потребность в которой возникает в связи с различиями между двумя культурами, рассматривается в качестве отдельного вида переводческой деятельности, выходящей за рамки собственно перевода, с чем нельзя согласиться. В тех же случаях, когда фактор культуры приобретает особое значение либо особое значение имеют способы использования переводного текста, исследователи склонны рассматривать деятельность переводчика в качестве отдельных видов перевода или придавать этой деятельности статус отдельной переводческой «стратегии», что также вызывает наши возражения. По нашему мнению, во всех случаях речь должна идти о собственно переводе, осуществляемом с разной степенью культурной адаптации в разных коммуникативных ситуациях. Результат перевода, соответственно, будет отличаться разной степенью трансформированности. Таким образом, локализация, транскреация, трансадаптация и транскультурация – это все тот же перевод, выполняемый с разной степенью прагматической и культурной адаптации. При этом нет особой необходимости в навешивании новых ярлыков на уже хорошо известные сущности.

Возникает вопрос: не слишком ли размытым становится само понятие «перевод»? В соответствии с коммуникативно-функциональным подходом к переводу, мы определяем перевод как речемыслительную деятельность переводчика, направленную на создание

текста на ПЯ, воспроизводящего содержание и формальные характеристики исходного текста в той степени, в которой это необходимо в данной коммуникативной ситуации, и обеспечивающего успешную предметную деятельность инициатора и/или получателя перевода. Утверждение, что перевод многообразен, – суть констатация факта, наблюдаемого в реальной действительности. Признавая этот факт, исследователи должны также учитывать, что в процессе осуществления перевода переводчик решает целый комплекс задач, в том числе и задачу обеспечения соответствия результирующего текста ожиданиям и потребностям потребителя перевода.

Литература

1. Гамбие И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 56–74.
2. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. 424 с.
3. Петрова О.В., Ланчиков В.К. Сколько гитик умеет перевод. Об одной концепции переводческих стратегий // Мосты. Журнал переводчиков. № 1(53)/2017. М.: Р.Валент, 2017. С.40-50.
4. Рум А. What Technology Does to Translating // Translation and Interpreting. Vol. 3. No 1 (2011): [https://cloud.mail.ru/public/4QBA/ZuUpBXupn/РУМ.What technologies does to translating.pdf](https://cloud.mail.ru/public/4QBA/ZuUpBXupn/РУМ.What%20technologies%20does%20to%20translating.pdf)
5. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / Пер. с нем. М.: Р.Валент, 2015. 512 с.
6. Сдобников В.В. Новая парадигма переводоведческих исследований // Культура как текст: Сборник научных статей. Вып. 12. М.: ИЯ РАН; Смоленск: СГУ, 2014. С.109-120.
7. Сдобников В.В. Перевод и коммуникативная ситуация: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. 464 с.
8. <https://linguacontact.com/localization/>
9. https://ru.wikipedia.org/wiki/Языковая_локализация
10. <http://termin74.ru/articles/internationalization/>
11. <http://fridge.com.ua/2011/02/lokalizatsiya-perevoda/>
12. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
13. Орёл М.А. Нанофилология, или Бывают ли мелочи в переводе? // Проблемы теории, практики и методики перевода: Сб. науч. трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.14. Том 2. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2011. С.91-102.
14. Малёнова Е.Д. Креативные практики в переводе // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние: тезисы Третьей Междунар. науч. кон-ции. Вологда: ВоГУ; Нижний Новгород: НГЛУ, 2018. С.53-55.
15. Комиссаров В.Н. Новые тенденции в переводоведении // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сборник науч. трудов. Часть I. Н.Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 1997. С.62-77.

Сведения об авторе

Сдобников Вадим Витальевич, доктор филологических наук, профессор, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, e-mail: artist232@rambler.ru

NEW TRENDS IN TRANSLATION STUDIES

V. Sdobnikov

Abstract. This article argues that a wider application of some forms of translators' activities does not necessarily entail development of new concepts and approaches to translation. The methodology of investigating translation/interpreting should be based on the combination of the traditional equivalence-oriented approach and the communicative-functional approach to translation. The article proves that the so-called localization and transcreation presented by many scholars as specific forms of translators' activity do not deserve this status, and must be viewed as types of translation proper. "Cultural adaptation" of a text performed in the process of "localization" and "transcreation" is another term for pragmatic adaptation widely used by translators and translation scholars for a long time. What matters in such situations is the degree of pragmatic/cultural adaptation.

Keywords: communicative-functional approach, information technologies, localization, internationalization, transcreation

Data about the author

Sdobnikov V., Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Nizhny Novgorod Linguistic University, e-mail: artist232@rambler.ru